

*Елена Дмитриевна ГЛИБИНА —*

*автор поэтического сборника*

*«Лиственная речь» (2001)*

*и публикаций в журналах «Север»,*

*«Аврора», «Русская провинция»*

*и «Литературной газете».*

*Работает журналистом.*

**Елена ГЛИБИНА**

*г. Сортавала,*

*Республика Карелия*



*«Нас держит  
круг костра...»*

**VOLARAS!**

Живешь в Сортавале, где холод собачий;  
а хочется в Индию или Париж.  
Легко, безбилетно махнуть наудачу;  
вот так оттолкнулся — и сразу летишь.

Живешь в Сортавале, где солнца на грошник,  
а хочется в Чили —

и (или) в Перу.

Пристроив в багаж этот город продрогший,  
как облако-птица парить на ветру.

Блажен, кому ночью в постели не спится  
с волшебной мечтой о далекой стране.  
Попутного ветра — и пусть вам летится,  
и киньте, счастливы, по перышку мне.

Ведь тот, кто обжётся блаженством полета,  
вновь прежнюю кожу не сможет надеть.  
Он будет агентом небесного флота  
среди некрылатых нормальных людей.

Он будет и дома немного пришельцем,  
отшельником с облака, острова грёз;  
поэтом без Музы; бесправным лишенцем —  
и жить невпопад, а порой не всерьёз

в своей Сортавале, вокзале, подвале,  
в то время, как хочется снова в Париж.  
Взмахнули руками — и в небо упали!  
Как облако-птица, в эфире парись.

Когда бы не сети реальности липкой,  
не эта толока, забота, игра;  
а там уж и ангел с дежурной улыбкой  
хватает за крылышко — хватит, пора...

**НОЧНОЙ ПОЛЁТ**

...А ночью мир особенно непрочен —  
и это знает каждый, кто не спит;  
кто слышит, как на крыше жёсть грохочет  
и наша мачта гнется и скрипит.

Бунтуют вёсла, рвутся из уключин,  
и хлещет ночь в пробоины дыру.  
Кораблик наш, что за день был приручен,  
внезапно отбивается от рук.

Титаник наш летит на айсберг грудью —  
лишь потому, что в сумрачном бреду  
ночь вырубает бортовой компьютер  
и предлагает править на звезду.

Нет у неё для нас другого света,  
других небес, луны и корабля,  
ключа к замку и на вопрос — ответа;  
лишь жажда в глотке, чтоб вопить «земля!».

А хочешь плыть и насмерть упираться,  
и наплевать на бредни в новостях —  
она вручит лихой компас пиратский  
и флаг, где пляшет череп на костях.

Цивильный лоск смахнёт солёным шквалом,  
когда ты будешь, в ярости крича,  
накрытый с головой девятым валом,  
лететь сквозь ночь по лезвию луча.

## ОГОНЬ

Нас держит круг костра в своей ладони грубой.  
Над пропастью ночной дымится Млечный путь.  
К священному огню протягивая руки,  
хотя бы до утра попробуй дотянуть.

Терпя за часом час, в опале продержаться,  
догрызть пустую ночь, как брошенную кость,  
когда взамен чудес земных цивилизаций —  
лишь вёрткого огня прирученная злость.

А за спиной снуют прожорливые тени,  
почуяв нашу плоть; мы против них одни,  
одни на всей Земле; одни во всей Вселенной,  
и духи темных сил смертельно голодны.

Они умеют ждать; вон там, за светлым кругом,  
ползёт на брюхе тьма и воет на Луну.

Но мы в ответ тесней вжимаемся друг в друга  
и не даём уснуть неверному огню.

Нас крепко тянет смерть незримой пуповиной  
в солёный тёплый сон, где цепенеет кровь  
и где ещё вчера мы были той же глиной,  
покорной и немой под пальцами богов.

От вечности родной мы оторвались с кровью.  
И надо жить самим, за свой огонь дрожа;  
и, каменную ночь пристроив к изголовью,  
в непрочном сне идти по лезвию ножа.

До света дотянуть, дожить — всего-то дела;  
вцепиться в неба край, где плавится звезда,  
чтоб остро ощутить сиротскую отдельность  
от неба и земли —

и это навсегда.

## НЕДВИЖИМОСТЬ

Вот всё не разживусь никак  
ни личным островом, ни дачкой на Канарах;  
аэропланом и воздушным шаром,  
публичной славой и толпой зевак.

Гламурной яхтой и пиратским бригом,  
звездой в ночи, горячей, как слеза;  
свободой выбора, известной лишь по книгам,  
отвагой плыть куда глядят глаза.

Да бог с ним, с островом и яхтой на Канарах,  
когда не разживусь и более земным —  
мобильником, недраных тапок парой  
и безмятежным сном, в котором снятся сны.

И ветер перемен, с которым разминулись,  
в бессоннице моей срывает все огни;  
и я кричу — постой! — среди ослепших улиц,  
и за спиной не чувствую страны...

\* \* \*

Скорее в ночь — упасть с разбегу  
в прореху, прорву, синеву;  
обжечь лицо горящим снегом —  
и убедиться, что живу;

и что стоит на прежнем месте  
звезда — на грозной высоте,  
дорога в холоде предместья  
и луч, распятый на кресте;

и что стереть не в нашей власти  
ни этот свет, ни этот храм;  
ни город, пригвождённый насмерть  
к своим могилам и камням.